

З. Ю. Петрова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zoyp@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ИДИОСТИЛЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА¹

Образные употребления слов в метафорических и сравнительных конструкциях занимают важное место в текстах романов Е. Водолазкина. Они часто тесно связаны с ключевыми мотивами произведения, участвуют в характеристике главного героя (например, образная номинация *авиатор* в одноименном романе), вступают в смысловые оппозиции, играющие концептуализирующую роль (например, оппозиция образов «рай / ад» в том же романе). В данной работе мы сосредоточимся на тех контекстуальных приемах, которые предполагают работу писателя с прямым значением метафорического слова: развертывание метафоры на основе семантических связей соответствующего прямого употребления; столкновение в одном контексте прямого и переносного значения – каламбур; непосредственное участие изображаемого денотата в порождении образного употребления и, наконец, создание необычных метафор путем «высвечивания» неожиданных причинно-следственных связей и индивидуально-авторских осмыслений исходного слова. Все эти приемы можно найти в романе «Авиатор», на его материале продемонстрируем их использование.

1. Развертывание метафоры в романе часто связано с философско-политическими размышлениями героя, позволяя разворачивать ход мысли достаточно неожиданным образом. Например, в контексте, где речь идет об убийстве отца героя пьяными матросами, уподобление революции стихии, выраженное в слове *молния*, применением связанного с ним сильной семантической связью слова *зарница* трансформируется в заключение о перерастании начальной фазы революционных беспорядков в их дальнейший разгул: «Мама спрашивала в полиции, долго ли он так лежал (выяснилось – долго), спрашивала, за что его убили (ни за что), как будто, если бы за что-то, стало бы легче, потом кричала, что всю эту солдатню расстреляла бы своими руками, а полицейские молча на нее смотрели. За своим горем она не понимала, какая вершится катастрофа, что расстреливать матросов – всё равно что расстреливать морские волны или, допустим, *молнию*. Да и то, что мы переживали, было, как оказалось, *не молнией – зарницей, молния была впереди*. Только мы этого еще не знали».

2. Каламбуры, совмещая в слове переносное и прямое значение, передают авторскую иронию, в них зачастую оживляется прямое значение фразеологизма, например, обыгрывается устойчивое сочетание *человек старой закалки*, намекая на реальную предысторию героя – его длительное содержание

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

в жидком азоте: «На этой неделе два раза Желтков звонил – один раз при Насте, другой – без нее. Про тот, что без, я ей ничего не говорил. Он тогда сказал, что у него для меня есть интересный политический проект. Что я, как *человек старой закалки* (это он азот имеет в виду?), мог бы быть полезен...».

3. Создание образа на основе изображаемой реальности. Е. Водолазкин своеобразно использует этот, в общем, достаточно традиционный прием. Так, в романе в воспоминаниях героя о детстве появляется статуэтка Фемиды, у которой отломилась весы: «На шкафу статуэтка Фемиды, ее подарили отцу в день окончания юридического факультета. Мне на нее еще грудному показывали, говоря: Фемида. <...> Мне всё в Фемиде нравилось, кроме весов – они не качались. Лет до семи я это терпел, а потом попытался сделать весы подвижными, гнул их, стучал по ним молотком. Был уверен, что они должны качаться, думал, заело что-то. Весы, конечно, отломилась». В ситуации ареста героя эта деталь – отломанные весы – приобретает символическое значение и влечет за собой философское обобщение: глядя на статуэтку Фемиды с отломанными весами, герой понимает, что «любой исход дела неправоуиден, потому что не существует более инструмента для взвешивания».

4. И, наконец, отметим наиболее интересную и своеобразную особенность идиостиля Е. Водолазкина с точки зрения образного употребления слов: создание метафор на основе индивидуально-авторского осмысления слова в прямом значении. Такой метафорой является заглавие романа «*Авиатор*»: она создается на основе ассоциации, связанной с ситуацией полета авиатора причинно-следственной связью: «Летающий на большой высоте самолет предоставляет авиатору возможность широкого обзора сверху», именно эта ассоциация лежит в основе определения основной задачи главного героя – описать свою эпоху, воссоздав в подробностях как можно больше ее составляющих – людей, ситуаций, предметов, самых разных деталей, впечатлений и ощущений.

С осознанием этой задачи связана и другая необычная метафора – *вода* (в описаниях), значение которой в известном смысле противоположно общеязыковой метафоре *вода* ‘многословие при бедности содержания’: «Интересует меня самая мелкая повседневность, то, что современникам кажется само собой разумеющимся и не достойным внимания. Это сопровождает все события, а потом исчезает, никем не описанное – как будто всё происходило в вакууме. Они кивают мне – пишите, мол, о чем речь, но я уже не могу остановиться. Так, говорю, в горной породе остаются ракушки – миллиарды ракушек, живших на океанском дне. Мы понимаем, как они выглядели, но не представляем их естественной, вне горной породы, жизни – в воде, среди зыбких водорослей, подсвеченных доисторическим солнцем. Нет в исторических сочинениях этой *воды*». Вода трактуется здесь как естественная среда жизни описываемой эпохи.